*М. М. БЕНЦИАНОВ**

СИНОДИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ XV – XVI вв.**

В статье ставится вопрос о возможностях использования записей в синодиках новгородских монастырей и соборов XV–XVI вв. для изучения процесса восприятия переселенными в Новгородскую землю из центральных уездов Русского государства служилыми людьми традиций новгородской идентичности. Присоединение Новгородской земли к Русскому государству (1478 г.) поставило вопрос об её интеграции в единую государственную систему. Обязательным условием эффективности этого процесса должно было стать выстраивание отношений с существующими церковными институтами. Вклады «москвичей» и их потомков в новгородские монастыри выступают характерным маркером их адаптации к местным реалиям. Анализ коммеморативных практик в этом случае позволяет проследить процесс постепенного усвоения собственно новгородских традиций служилыми людьми XV–XVI вв. Первые вклады в новгородские монастыри фиксируются уже в конце XV в. В случае с Николо-Вяжищским монастырем они имели довольно интенсивный характер и затрагивали представителей разных слоев служилых людей. Синодик Софийского собора в целом подтверждает сделанные наблюдения. Некоторые новгородские помещики, названные в этом источнике, действовали в первые десятилетия XVI в. Большое число имен из синодиков Александро-Свирского монастыря соотносится с новгородскими детьми боярскими 1530–1550-х гг. К середине XVI в. новгородские религиозные центры прочно вошли в жизнь новгородских помещиков. К этому времени можно, видимо, говорить о завершении процесса усвоения новгородскими детьми боярскими традиций новгородской идентичности, что отразилось, в том числе, в их самоидентификации в официальных документах.

Ключевые слова: коммеморативные традиции, синодики, Новгородская земля XV–XVI вв., новгородские монастыри, служилые люди, дети боярские, новгородская идентичность, правящая элита, аристократия, Русская Церковь XV–XVI вв.

---

* **Бенцианов Михаил Михайлович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник СЗИ РАНХиГС. E-mail: bmm4@yandex.ru; ORCID 0009-0007-7450-6222.

Bentsianov Mikhail Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Institute of Forensic Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: bmm4@yandex.ru; ORCID 0009-0007-7450-6222

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24–18–00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти».

 © Бенцианов М.М.

Поступила в редакцию: 16.02.2026
Принята к печати: 18.09.2026

DOI: 10.7868/S0130086526040021

SYNODICONS AS SOURCES FOR STUDYING THE FORMATION OF NOVGOROD IDENTITY AMONG THE SERVICE CLASS PEOPLE OF THE NOVGOROD LAND OF THE XVth – XVIth CENTURIES

This article explores the potential of using synodikons of Novgorod monasteries and cathedrals of the 15th and 16th centuries to study the process by which service class members resettled in the Novgorod land from the central districts of the Russian state adopted Novgorodian identity traditions. The annexation of the Novgorod land to the Russian state (1478) raised the question of its integration into a unified state system. Establishing relationships with existing church institutions was a prerequisite for the effectiveness of this process. Contributions by "Muscovites" and their descendants to Novgorod monasteries serve as a characteristic marker of their adaptation to local realities. An analysis of commemorative practices in this case allows us to trace the gradual assimilation of specifically Novgorodian traditions by service class members of the 15th and 16th centuries. The first contributions to Novgorod monasteries are recorded as early as the late 15th century. In the case of the Nikolo-Vyazhishchsky Monastery, these events were quite intense and affected representatives of various classes of service class. The synodicon of St. Sophia Cathedral generally confirms these observations. Some Novgorod landowners named in this source were active in the first decades of the 16th century. A large number of names from the synodicons of the Alexander-Svirsky Monastery are associated with Novgorodians of the 1530s–1550s. By the mid-16th century, Novgorod religious centers had become firmly entrenched in the lives of Novgorod landowners. By this time, one can probably speak of the completion of the process of assimilating the traditions of Novgorod identity by Novgorod boyar scions, which was reflected, among other things, in their self-identification in official documents.

Keywords: commemorative traditions, synodicons, Novgorod state of the 15th – 16th centuries, Novgorod monasteries, service class people, boyar scions Novgorod identity, ruling elite, aristocracy, Russian Church of the 15th – 16th centuries.

Присоединение Новгородской земли к Русскому государству (1478 г.) поставило вопрос об интеграции этой обширной территории, обладавшей собственными традициями управления, в единую формирующуюся государственную систему. Обязательным условием эффективности этого процесса должно было стать выстраивание отношений с местными церковными институтами. Новгородские монастыри имели длительную историю своего существования и обладали признанным высоким авторитетом, будучи тесно вовлеченными в систему управления республики святой Софии[1].

[1] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 164–176; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Важнейшим инструментом ломки старых новгородских порядков были «выводы» старых землевладельцев (бояр и житьих) и раздача поместий служилым людям «Московской земли». Многочисленные новгородские помещики стали проводниками политики московского правительства. Именно они, оказавшись на новом месте службы, должны были со временем выработать механизмы взаимодействия со сложившимися религиозными центрами Великого Новгорода.

Эта сторона деятельности новгородских помещиков, к сожалению, не получила должного освещения в исторической науке. Изучение истории новгородской служилой корпорации XV–XVI вв. проводилось, как правило, в контексте формирования поместной системы и функционирования поместного хозяйства. Меньшее внимание уделялось вопросам адаптации московских переселенцев к местным условиям и восприятию ими традиций существующей новгородской идентичности[2].

В значительной степени подобный перекос связан с односторонностью используемых источников. Сохранившийся уникальный комплекс новгородских писцовых книг нескольких валовых описаний определил направления исследований для нескольких поколений историков.

Выпущенными из виду оказались другие источники, обладающие значительным потенциалом для анализа внутренних аспектов жизни новгородского общества в период после московского завоевания. При очевидном для поместного землевладения дефиците актовых материалов и лапидарности летописных текстов трудно переоценить значение комплексного привлечения для этой цели синодиков Новгородской земли.

Изучение синодиков, вкладных и кормовых книг, получившее значительное распространение в последние годы, позволяет значительно расширить имеющиеся данные о деятельности отдельных фамилий новгородских помещиков, определить выработанные в их среде социальные приоритеты и стратегии в контексте поминальных традиций Русского государства.

Вклады «москвичей» и их потомков в новгородские монастыри выступают характерным маркером адаптации к местным реалиям. Анализ коммеморативных практик в этом случае позволяет проследить процесс постепенного усвоения собственно новгородских традиций в среде служилых людей в XV–XVI вв.

Изучение новгородских синодиков проводилось, как правило, в рамках их публикации[3]. Небольшой очерк о синодике новгородской Борисо-

---

[2] См., например, *Бенцианов М. М.* Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы / Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 8. Минск, 2015. С. 133–146.

[3] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб.: Алетейя, 2017; «Синодик в неделю православия» Софийского собора Великого Новгорода / Подгот. текстов, исслед. Т. И. Шаб-

глебской церкви середины XVI в. был написан И. А. Шляпкиным. Специальное исследование возможностей использования синодика Николо-Вяжищского монастыря как источника для изучения повседневной жизни Новгородской земли было осуществлено Ю. Д. Рыковым[4].

В целом, стоит признать, что работа по выявлению и публикации сохранившихся до настоящего времени синодиков и их использованию для реконструкции происходивших в Новгородской земле XV–XVII вв. процессов пока находится на начальном этапе и требует большего внимания со стороны исследователей.

Взаимодействие Москвы и Новгорода в реализации коммеморативных практик началось еще в период новгородской независимости. Известны были вклады московских князей в новгородские монастыри и соборы. Часть из них была сделана ими во время пребывания на новгородском «княжении» и являлась естественным знаком внимания к местным религиозным центрам. До нашего времени сохранилась плащаница, переданная в 1449 г. в Юрьев монастырь Дмитрием Шемякой. При посещении Новгорода в 1456 г. Василий Темный также передал в Софийский собор плащаницу. В житии Михаила Клопского упоминается эпизод приезда в монастырь Константина Угдицкого, находившегося в это время в Новгороде, «причаститися и манастыря кормити». Позднее он же оплатил постройку церкви святой Троицы в Клопском монастыре[5].

Ряд княжеских имен содержится в синодике новгородского Лисицкого монастыря. Запись «княж Федоров род Кубенского» могла относиться к одному из соратников Дмитрия Шемяки. Д. Ю. Шемяка был женат на Софии, дочери князя Д. В. Заозерского, предка рода Кубенских. Позднее

ловой. СПб., 2018; *Маштафаров А. В.* Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в. // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 11–25; Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI–XIX века / Подг. текстов и исслед. Н. В. Башнина. М.; СПб., 2012; *Линд Дж., Охотина Н. А.* Роспись главам синодика Валаамского монастыря XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж: Ярмарка-Пресс, 1993. Вып. 2. С. 32–36. Этот список дополняет публикация помянника начала XVI в., осуществленная М. А. Несиным и А. А. Казаковым (*Казаков А. А., Несин М. А.* Новгородский помянник начала XVI в. // NOVOGARDIA. 2019. № 4. С. 369–392. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.017 (дата доступа 03.11.2025).

[4] *Шляпкин И. А.* Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 1–9; *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII в. с позднейшими дополнениями // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 60–122.

[5] *Макарий (Миролюбов),* архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1. С. 300–301; Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997. Т. 7. С. 221–223.

на службе у Семена Можайского известен был некий князь Давыд Кубенский[6].

Сами новгородцы еще во времена независимости находились среди вкладчиков Троице-Сергиева монастыря. Синодик ризницы 1575 г. содержит несколько подобных примеров. Среди них «родители» новгородской боярыни Офимьи Горошковы. Позднее были записаны «род Казимеров» и «род Василиев Никифорова»[7]. «Ноугородцы Мозговы» отождествляются с Мозговыми, владельцами пригородных пожен в Новгороде[8].

В первые годы после завоевания Новгорода связь местных монастырей с мятежным новгородским боярством накладывала негативный отпечаток на их взаимоотношения с великокняжеской властью. Уже в 1478 г. в ходе переговоров с новгородцами Иван III потребовал передать ему «половину всех волостей владычних да и монастырьских». Промежуточным результатом стало изъятие 10 волостей архиепископской кафедры, а также конфискация части земель 6 монастырей[9].

Следующая, и куда более масштабная, конфискация монастырских земель произошла только в 1499 г., но вряд ли прошедшие десятилетия были спокойным временем для новгородских монастырей[10]. Несколько волн опал и принудительных переселений, затронувших подавляющее большинство новгородских бояр и житьих, монастырских ктиторов и вкладчиков, не могли не отразиться на их материальном благополучии. Пример с волостью Забрусье Бежецкой пятины (189 обеж), отданной в Варлаамо-Хутынский монастырь вдовой И. Скомантова Федорой, показывает, что земельные вклады в 1480-е гг. требовали одобрения со стороны новгородской администрации. Игумен Нафанайло «взял ту волость без великого князя докладу», что привело к ее изъятию у монастыря. В качестве компенсации монастырь получил всего 70 рублей[11].

Практика изъятия «незаконных» вкладов имела, видимо, довольно широкое распространение. В Деревской пятине упоминались земли

---

[6] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 80; Сборник русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 11.

[7] НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 57, 65, 67. Близкое перечисление имен рода Офимьи Есипа Горошкова содержится в синодике новгородского Лисицкого монастыря (НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 80).

[8] НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 66; ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 314, 316, 323, 332, 345, 356, 366, 370.

[9] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. / Подгот. текста С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина, предисловие Б. М. Клосс. М.: Языки славянских культур, 2001. С. 275–277. Изначально новгородцы предлагали передать Ивану III в числе других земель три волости Юрьевского монастыря.

[10] *Фролов А. А.* Конфискация вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54–62

[11] НПК. Т. 6. СПб.: Сенатская типография, 1910. Ст. 134–135.

Ю. Г. Маринина, что «их было дал в Отенский монастырь», а также В. Родионова, который сделал вклад в Кириллов монастырь[12]. С доклада великокняжеским наместникам оформлялась купчая грамота О. Исакова на участок за Волоком на Двине у Николо-Вяжищского монастыря[13].

С точки зрения новгородских помещиков, оказавшихся в Новгородской земле, статус новгородских монастырей должен был вызывать серьезные вопросы, которые только усилились после конфискации 1499 г. Конфискации подверглись, в том числе, земли Варлаамо-Хутынского монастыря. В конце XV в. Варлаам Хутынский был включен в список святых, почитание которых практиковалось при великокняжеском дворе. Варлаам «Новогородский» упоминается в Мазуринском списке синодика московского Успенского собора. Его имя было названо в крестоцеловальных записях князя К. И. Острожского и Петра царевича (Худай-Кула)[14]. Поддержка культа Варлаама Хутынского и конфискация земель посвященного ему монастыря не рассматривались, таким образом, как часть одного и того же процесса.

В 1505 г. были сожжены обвиненные в ереси архимандрит крупнейшего в Новгороде Юрьева монастыря Кассиан и его брат Иван Черный.

Очевидно, что в этих условиях вклады в новгородские монастыри приобретали достаточно рискованный характер. Монастырская собственность не находилась под защитой великокняжеской власти, которая могла произвольно менять в свою пользу установленные правила игры.

Практика вкладов «москвичей» в новгородские религиозные центры должна была также сдерживаться ограниченностью числа общежительских монастырей. Всего в первые десятилетия XVI в. в Новгороде существовало только четыре «старых» общежительских монастыря: Юрьев, Варлаамо-Хутынский, Николо-Вяжищский и Отенский[15]. В первые годы XVI в. к ним добавился Александро-Свирский монастырь.

Анализ синодика Савво-Вишерского монастыря, остававшегося особножительным, показывает отсутствие имен «москвичей» конца XV – первых десятилетий XVI в., хотя в этом синодике присутствовала память «посадников новгородских», подтверждающая наличие в нем ряда древних записей[16].

Отсутствуют идентифицируемые ранние записи также в синодике Коневского Рождественского монастыря. Одна из первых записей в этом синодике была посвящена роду старца Феодосия Щетины. Её можно связать

---

[12] НПК. Т. 2. СПб., 1862. Ст. 106, 284.

[13] АНВМ / Подгот. публ. И. Ю. Анкудинов. М., 2013. С. 9–10.

[14] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 149 об.; СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 402, 404.

[15] ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 22–23.

[16] ОР РНБ. ОСРК. F. I. 877. Л. 44 об. – 45 об.

с вкладом 1551 г., сделанным детьми боярскими М. К. Бровцыным и Г. Я. Щетининым[17].

Ситуацию усугубляла позиция архиепископской кафедры. Последний новгородский архиепископ времен независимости Феофил в январе 1480 г. был «поиман» и отправлен в московский Чудов монастырь[18]. Новый новгородский владыка Сергий, назначенный из Москвы, вступил в конфликт с местным духовенством: «Не хотяху новгородцы покорится ему, что не по их он мысли ходит мнози игумены и попы испродаде и многи пошлины введе»[19]. Эта линия была продолжена затем Геннадием (Гонзовым). В послании 1488 г. к Иоасафу Оболенскому он прямо утверждал, что «Новгород с Москвою не едино православие». Для исправления этой ситуации он приводил новгородские богослужебные традиции в соответствие с принятыми в Москве правилами, в том числе ввел практику петь каноны признанным при московском дворе святым[20].

Его отношения с местными монастырями, видимо, были непростыми. Уже в начале появления на кафедре у него возник конфликт с Захарием, монахом Немчинова монастыря, которого он сослал на исправление в Горнецкий Спасский монастырь[21].

В 1500 г. местный летописец счел необходимым упомянуть об отсутствии целого ряда настоятелей новгородских монастырей во время церемонии крестного хода: «архимандрит Юрьевской да игумен Антоньевской Андрей и игумен Хутынской и игумен Вяжиской и игумен с Лисьи горки, игумен Рожественской с Поля и игумен Арькажской и игумен Колмовской и игумен Коваленской и архимандрит и те все игумены за кресты с архиепископом не ходили же. Да опроче тех игуменов, которыи имяны писаны из ыных манастырей многих игуменов не было»[22].

Косвенным подтверждением напряженных отношений Геннадия и некоторых новгородских монастырей являются жалованные грамоты, выданные Иваном III на рубеже XV и XVI вв. Коневскому Рождественскому,

---

[17] *Маштафаров А. В.* Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря. С. 10; Историческое изображение о начале Коневской обители. СПб., 1822. С. 8–9.

[18] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. / Подгот. текста С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина, предисловие Б. М. Клосс. М., 2001. Ст. 316.

[19] Там же. Ст. 319; *Печников М. В.* Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 1 // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 193–195.

[20] *Печников М.* В. Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 1. С. 202–203; *Он же.* Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 2 // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2020. Вып. 14. С. 187–188. ПСРЛ. Т. 30 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. С. 153–154.

[21] *Казаков А. А.* Чернец Немчинова монастыря Захар и новгородский архиепископ Геннадий: К истории одного конфликта // NOVOGARDIA. № 4. 2019. С. 172–181. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.007 (дата доступа 03.11.2025).

[22] ПСРЛ. Т. 30 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. С. 152.

Успенскому Волотовскому, Валаамскому и, вероятно, Михалицкому женскому монастырям. В этих грамотах предусматривалось полное освобождение от архиепископской дани[23]. В 1508 г. жалованная иммунитетная грамота («опричь духовного дела») была выдана Юрьевскому монастырю[24].

Стоит учитывать, что сами поместные раздачи растянулись здесь на три десятилетия. Первые поместья были пожалованы детям боярским «Московской земли» в начале 1480-х гг. Окончание же поместных раздач пришлось на первые годы XVI в., когда в раздачу пошли как раз земли, конфискованные у архиепископской кафедры и новгородских монастырей. За это время некоторые помещики успели оставить свои поместья. При описании Водской пятины возле имени С. М. Калитина была сделана помета: «Се поместье Степан оставил, ведать его на великого князя». Процесс ухода с новгородских поместий приобрел особенно большой размах в первое десятилетие XVI в. и, вероятно, был связан со смертью Ивана III. Особенно ощутимые результаты для дальнейших судеб новгородской служилой корпорации этот процесс имел применительно к представителям московской аристократии, служившим здесь в качестве воевод и наместников. В дальнейшем представители «видных» фамилий также неоднократно оставляли новгородскую службу[25].

При таком подходе им, безусловно, трудно было воспринимать новгородские монастыри в качестве центра притяжения при осуществлении своих коммеморативных практик. Многие представители правящей элиты, оказавшиеся в Новгородской земле и получившие здесь поместья в конце XV – начале XVI в., не считали себя частью новой служилой корпорации. Их карьерные устремления были связаны с Государевым двором и Боярской думой.

Часть новгородских помещиков XVI в. сохраняла за собой вотчины в «Московской земле» и, соответственно, в силу сложившихся традиций продолжала поддерживать связи с монастырями в местах их родового землевладения. А. А. Бакланов Бутурлин, например, пожертвовал в Переславский Горицкий монастырь 30 рублей[26].

М. А. Ергольский, помещик Бежецкой пятины, в завещании (1550-е гг.) после смерти жены передавал свои белозерские земли в Кирилло-Белозерский монастырь, оценивая сумму их выкупа в 50 рублей. Значительно

---

[23] ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 66–70, 159–161; АИАК. СПб., 1841. Т. 1. С. 164–165; *Каштанов С. М.* Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю // Археографический ежегодник за 2000 год. М. 2001. С. 437–438.

[24] ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 63–65.

[25] *Бенцианов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. С. 109–111, 129–131.

[26] *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 32; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 78 об.

меньшие деньги он жертвовал новгородским церквям. В церковь Спаса на Нередице, например, должна была поступить всего полтина[27].

Сыновья новгородского головы в полках на Коломне в 1538–1540 гг. Т. И. Заболоцкого, владевшего вотчинами в Переславском уезде, Иона и Олимпий приняли постриг в Троице-Сергиевом монастыре. В 1566 г. они сделали сюда вклад по духовной грамоте своего отца[28].

Несколькими вкладами в Троице-Сергиев монастырь отметился И. П. Кушник Курцев, помещик Шелонской пятины и новгородский ямской дьяк. Его семья на протяжении нескольких десятилетий была связана с этим монастырем. Здесь он позднее принял постриг и был похоронен[29]. Известны были и другие вклады новгородских помещиков в Троице-Сергиев монастырь как в признанный общерусский центр коммеморации.

Неоднозначность ситуации в первые десятилетия XVI в. проявлялась в употреблении термина «новгородец/новгородцы». В синодике московского Успенского собора в числе погибших служилых людей в битве у реки Ведроши (1500) находилась память Ивану Александровичу Самсонову «новогородцу», сыну посадника Александра Самсонова, одному из представителей старого новгородского боярства, потерявшему свои земли в Новгородской земле. В середине XVI в. Самсоновы служили по Юрьеву Польскому[30].

Среди пленников Оршанской битвы 1514 г. упоминаются помещики «ис Холму» (Деревская пятина – *М. Б.*) и «з Новагорода». Использовалось также определение «то Новродцы», примененное к помещикам Обонежской пятины Д. Ф. Култашеву и Т. К. Оклячееву[31]. В списках русских пленных, захваченных под Опочкой (1517), находился И. Ен Мусоргский. В 1518 г. он фигурировал с определением «з Новогорода», а в 1519 г. – уже как «новгородец». «Новгородцем» был назван также А. Никитин (Волынский)[32].

В собственно русских источниках в синодике ризницы 1575 г. Троице-Сергиева монастыря упоминаются «род Ногин из Новагорода» и Дми-

---

[27] ПКНЗ. Т. 3 / Сост. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2001. С. 10; *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 28–30.

[28] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. С. 357.

[29] НПК. Т. 6. СПб.: Сенатская типография, 1910. Ст. 281–283, 673–676; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 404.

[30] Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6. С. 463; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 151.

[31] ПСРЛ. Т. 17 / Изд. С. Л. Пташицкий, А. А. Шахматов. М., 2008. Ст. 187; *Бенцианов М. М., Лобин А. Н.* К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2013. Вып. 2. С. 164.

[32] *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 154, 157.

трий Пушкин «новогородец». Судя по находящимся рядом пометам, записи относились к 1523 и 1530 гг., соответственно[33]. К этому времени потомки московских переселенцев воспринимались здесь уже как «новгородцы».

Приведенные примеры не касались, однако, самоидентификации самих детей боярских. В архиве Радзивиллов сохранился протокол допроса луцкого помещика Василия Иванова Хрущева (Болтина) 1535 г., в котором он был назван «родом з Ростова, помещик з Лук»[34]. Подобная характеристика была явно сделана с его слов и отражала, таким образом, особенность восприятия своего положения.

В начале XVI в. московское правительство в целом завершило репрессивные действия в отношении Новгородской земли. В правление Василия III местные «святыни» воспринимались уже в контексте общерусских религиозных центров, хотя и заняли в сложившейся иерархии периферийные места. В 1526 г. великий князь ездил «на Тихвину молитеся». Ранее, видимо, здесь «повелением благовернаго великаго князя Василиа Ивановича всея Руси» была сооружена каменная церковь[35]. С 1534 г. Варлаамо-Хутынский монастырь начал получать регулярные вклады от великокняжеской семьи[36].

Свидетельством признания новгородских религиозных центров являются вклады представителей новгородской администрации. Более или менее определенные данные о хронологии подобных вкладов относятся только ко второму десятилетию XVI в. В синодике Софийского собора фигурировали роды «великого князя диака» С. Борисова (дважды), А. Щекина и Вязги Сукова. С. Борисов (Трофимов) и А. Щекин упоминаются в Новгороде в 1518 г. В 1520-е гг. в качестве дьяка известен здесь также Вязга Суков[37].

Новгородским наместником с 1514 по 1516 гг. был И. Г. Поплевин Морозов. В 1517 г. здесь же наместником был его однородец М. В. Тучков

---

[33] НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 174 об., 182 об.; *Баранов К. В.* Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года. // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 4. С. 10–12.

[34] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. М., 2002. С. 137.

[35] ПСРЛ. Т. 30 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. С. 201; *Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М.: Языки славянских культур, 2007. С. 136–137, 244.

[36] *Макарий (Миролюбов).* Обозрение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 2. Отд. 3. С. 18–19.

[37] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 108; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 1981. Т. 87. С. 227, 271, 280.

Морозов. Оба они известны по синодику Николо-Вяжищского монастыря[38]. Род Шеиных в этом же синодике уместно увязать с вкладом В. Д. Шеина, новгородского наместника в 1546 г.[39]

В последующие десятилетия вкладами в Софийский собор (шитые пелены и покров) отметились жены наместников князей Н. В. Оболенского и И. М. Шуйского[40]. В 1542 г. покров «на Варлаамов гроб» положил наместник князь В. И. Репнин-Оболенский[41].

Вклады в новгородские монастыри делали также представители московской правящей элиты, не имевшие прямого отношения к Новгороду. В завещании князя М. В. Кислого Горбатого 1534/35 г. (бывший новгородский наместник) «Варлаамью чюдотворцу» передавалось 30 рублей[42].

Высоким авторитетом в придворном окружении пользовался Александр Свирский[43]. Среди ранних имен синодика Александро-Свирского монастыря были записаны дьяки Третьяк (М. М.) Раков и Меньшой Путятин (записаны среди детей боярских). Оба они вели активную деятельность в 1520-е – начале 1540-х гг. [44]

В синодике был представлен род князей Судских. Князь И. Ф. Судский в 1546/46 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. Известен также его вклад в московский Успенкий собор[45]. К концу 1540-х – началу 1550-х гг. относится поминовение рода князя И. И. Кубенского[46].

Вклады в монастырь делали также князья А. Б. Горбатый[47], П. М. Щенятев[48], Д. И. Курлятев[49], а также П. П. Головин, В. Ю. Греков (Траханиотов),

---

[38] *Зимин А. А.* Формирование. С. 235, 240; НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 140, 159; *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный список синодика. С. 94, 95.

[39] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 149 об.

[40] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 110.

[41] *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей. М., 1860. Ч. 2. С. 307.

[42] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. № 35. С. 92.

[43] Канонизирован в 1547 г. Его ученик Адриан Ондрусовский был восприемником у дочери Ивана IV Анны.

[44] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 128; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат. С. 263–266.

[45] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 93 об.; ВКТСМ. С. 43; ОР ГИМ. Щукинское собрание. № 64. Л. 322 об.

[46] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 112 об. Среди перечисляемых имен князь Михаил (М. И. Кубенский – *М. Б.*), умерший в 1548 г., и княгиня Александра (жена И. И. Кубенского – *М. Б.*).

[47] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 92.

[48] Род князя Петра Щенятева (записан только сам Петр) встречается также в синодике новгородского Антониева монастыря (НГМ. КП 30056/263. КР–277. Л. 97).

[49] Сын князя Д. И. Курлятева Федор умер в Новгороде во время морового поветрия в 1552 г. В летописи, как и в синодике, он был обозначен как «Шкурлятев» (ПСРЛ. Т. 30 /

И. И. Хабаров, дьяк Ю. Сидоров[50]. Присутствовала в синодике память известного опричника Р. М. Пивова[51].

Часть записей, фигурирующих в синодике, сохранилась в составе вкладной книги монастыря: князь Б. Д. Тулупов (1575), Е. Воейков (1583), дьяки братья А. Я. и В. Я. Щелкаловы (1583), боярин Ф. В. Шереметев (1586)[52].

Во второй половине XVI в. вклады часто делались одновременно в несколько монастырей, представлявших Новгородскую землю. Уже упомянутый князь Б. Д. Тулупов кроме Александро-Свирского монастыря сделал вклад в Тихвинский Успенский монастырь[53]. Имена братьев А. Я. и В. Я. Щелкаловых были записаны в синодиках Валаамского и Коневского Рождественского монастырей. В. Я. Щелкалов фигурировал также в синодике Софийского собора[54]. Ю. Сидоров кроме Александро-Свирского монастыря был вкладчиком Николо-Вяжищского монастыря и Софийского собора[55].

Значительное число названных лиц встречается во вкладной книге Соловецкого монастыря: князья А. Б. Горбатый, П. М. Щенятев (инок Пимин), П. П. Головин, Ф. В. Шереметев (инок Феодорит), Р. М. Пивов (Рофайло), Баим Воейков, А. Я. и В. Я. Щелкаловы. Видно, что некоторые вклады в Александро-Свирский и Соловецкий монастыри были сделаны в одно и то же время[56].

Изменившийся статус новгородских монастырей получил отражение во вкладной книге Соловецкого монастыря. К 1547/48 г. относится сделанная здесь запись: «Того ж лета, царь и государь пожаловал, велел на Соловки милостину посылати, как и в ыные манастыри с Москвы или из Новагорода»[57]. К этому времени, монастыри Новгорода уже получили, таким образом, официальное признание царского правительства.

Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. С. 180). В синодике упоминается князь Федор, которого можно отождествить с ним.

[50] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 93, 93 об., 110, 112, 121.

[51] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 113 об.

[52] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 108, 109, 113 об., 117 об.; Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная. 1853. № 10. С. 58–59.

[53] ОР БАН. Тихвинское собрание XVII в. № 3. Л. 161.

[54] *Линд Дж., Охотина Н. А.* Роспись главам. С. 33; *Маштафаров А. В.* Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря. С. 13; НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 128. В. Щелкалову принадлежал двор в Новгороде (*Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911. С. 91).

[55] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 130; *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный список синодика. С. 106–115.

[56] Архив СПбИИ РАН, колл. 2, ед. хр. 125. Л. 25 об. – 26 об., 38, 40–40 об.

[57] Архив СПбИИ РАН, колл. 2, ед. хр. 125. Л. 7.

Очевидно, что московские переселенцы, оказавшиеся в Новгороде, должны были с самого начала вступать во взаимодействия с новгородскими религиозными центрами. В житии Зосимы и Савватия Соловецких, написанном в 1503 г. Спиридоном-Саввой, фигурировал, например, купец, московский «сведенец» Алексей Курюков[58].

В 1495 г. М. В. Кутузов заказал дьякону одной из новгородских церквей «перевести» Апостол. Он служил архиепископу Геннадию Гонзову «а был в Боярех у тогож Владыки у Генадия»[59]. Духовная грамота князя И. И. Кривоборского, боярина архиепископов Геннадия и Серапиона, показывает, что новгородские монастыри присутствовали в его поминальном списке. Основной вклад 50 рублей был сделан в Троице-Сергиев монастырь, где он велел похоронить себя. Среди новгородских монастырей по 5 рублей приходилось на «Коневец» (Коневский Рождественский монастырь – *М. Б.*) и «Волан» (Валаамский монастырь – *М. Б.*), по 3 – в Николо-Вяжищский, Юрьев и Кириллов монастыри. Кроме того, еще 5 рублей он жертвовал новгородскому Софийскому собору. За рамками Троице-Сергиева монастыря эти суммы соответствовали пожертвованиям в другие монастыри Русского государства[60].

Среди чудес Варлаама Хутынского было исцеление отрока Симеона Самарина от рода «болярска». Самарины-Квашнины известны как помещики Шелонской пятины[61]. Старцем Варлаамо-Хутынского монастыря по тексту того же жития был Савватий Юренев. Судя по упоминанию Досифея Тутолмина, эпизод с ним относился ко второй половине 1520-х гг. Сам Савватий, очевидно, принял постриг в Варлаамо-Хутынском монастыре в предшествующие десятилетия. Его однородцы Юреневы владели поместьями в Бежецкой пятине[62].

На бытовом уровне между московской и новгородской версиями православия не ощущалось, таким образом, особых противоречий. Появившиеся в Новгородской земле «москвичи» изначально вписались в бытовавшую здесь систему координат.

---

[58] *Дмитриева Р. Н.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 277–278.

[59] *Розов Н. Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 96–97; Родословная книга князей и дворян российских и выехавших… М., 1787. Ч. 2. С. 2.

[60] Родословная книга. Ч. 2. С. 61; *Гейман В.* Несколько новых данных, касающихся истории «задворных людей» // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 43–47.

[61] Житие Варлаама Хутынского в двух списках. СПб., 1881. С. 63–64; *Бенцианов М. М.* Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 188.

[62] Житие Варлаама Хутынского. С. 78; ПКНЗ. Т. 1. С. 162, 234.

Недостаток данных не позволяет оценить масштабы взаимодействия «москвичей» и новгородских монастырей в конце XV в. – первые десятилетия XVI в.

Особенностью ранних записей в новгородских синодиках было слепое перечисление имен без их соотнесения с конкретной фамилией. Эта особенность, отражавшая древнюю поминальную традицию, существенно сужает возможности отождествления названных в них имен с конкретными лицами.

Первые вклады московских переселенцев – помещиков и купцов – в новгородские монастыри фиксируются уже в конце XV в. В синодике Николо-Вяжищского монастыря встречаются памяти родов князя Иоанна Юрьевича (Патрикеева), князя Александра (Васильевича Оболенского), Семена Аврамова (Сарыевского) и Никандра (Никиты) Тараканова[63].

Все эти лица были связаны с Новгородской землей уже в последнее десятилетие XV в. Князь И. Ю. Патрикеев, «наивышший» боярин, владел волостью Березовец в Деревской пятине, а также небольшими участками земли в Обонежской пятине. Его вклад в Николо-Вяжищский монастырь мог быть осуществлен до февраля 1499 г., когда он попал в опалу и был пострижен в монахи. Крупным землевладельцем Бежецкой пятины был князь А. В. Оболенский, погибший в 1501 г. в сражении у Гельмета[64].

С. А. Сарыевский упоминался в завещании А. М. Плещеева (составлено до 1491 г.). Позднее вся семья Сарыевских оказалась переселенной на поместья в Водскую пятину. Писцовая книга Д. Китаева застает здесь Безстужа, Ф. Тарусу и И. Шатюка Сенкиных. Их отец к этому времени, очевидно, уже умер[65].

Никита (Никандр) Тараканов, еще один вкладчик Николо-Вяжищского монастыря, видный московский купец-сурожанин вместе с родственниками был переселен Иваном III в Новгородскую землю. Уже писцовое описание Деревской пятины середины 1490-х гг. зафиксировало его двор «пуст». Судя по хронологии вкладов в Иосифо-Волоколамский монастырь, в 1494 г. он принял монашеский постриг. Его имя упоминается в поминальной записи синодика Николо-Вяжищского монастыря.

---

[63] НИОР РГБ. Ф. 722. Собрание единичных поступлений рукописных книг древних традиций. № 216. Л. 130 об. – 131, 132 об., 142, 142 об. – 143.

[64] *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный список синодика. С. 89–91. В заголовке князь И. Ю. Патрикеев фигурирует с мирским именем Иван. Среди перечисляемых лиц назван князь Михаил, которого можно отождествить с его сыном Михаилом Колышкой, умершим в 1495 г. ПКНЗ. Т. 1. С. 227.

[65] АСЭИ / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1952. Т. 1. № 562. С. 439; НПК. Т. 3. СПб., 1868. Ст. 588, 591, 918.

Соответственно, этот вклад был сделан кем-то из родственников, оставшихся в Новгороде, уже после его смерти (после 1511 г.)[66].

Вряд ли князей И. Ю. Патрикеева и А. В. Оболенского, а также Н. Тараканова можно считать полноценными «новгородцами». Для аристократов Патрикеева и Оболенского новгородские поместья представляли собой дополнение к имеющимся вотчинам. Н. Тараканов, в свою очередь, покинул Новгород и принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. В конце жизни он сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. В дальнейшем Тараканови также делали вклады в Троице-Сергиев монастырь и в другие общерусские монастыри[67].

Аврамовы (Сарыевские), с другой стороны, прочно обосновались в Новгородской земле и упоминаются здесь на протяжении всего XVI в.

В качестве воеводы из Новгорода в 1501–1502 гг. известен князь П. С. Лобан Ряполовский. Видимо, именно он упоминается в синодике Николо-Вяжищского монастыря «род княжей Петров Ряполовского Меншого»[68].

Еще несколько имен синодика соотносится с именами новгородских помещиков рубежа XV–XVI вв., хотя их вклады в монастырь могли быть произведены и в последующие десятилетия. Среди них Фома Сидоров, Степан Порховский, Григорий Евсюков, Тимофей Зезевитов, Федор Григорьевич Соловцов (в тексте синодика обозначен с отчеством на «вич»), Федор Косицкий, Федор Филиппов Нащокин, Константин Борисов Кушелев, Федор Милославский[69]. Из них Фома Сидоров (Фалеев) Дмитриев попал в литовский плен под Луками и в 1519 г. находился в замке Ковно[70].

Видимо, Андрей Семенов Мустофин или его близкие родственники были инициаторами записи рода Мустофиных[71].

Род Елецких включал упоминание имен князей Петра и Ивана. Скорее всего, в данном случае имелась в виду семья князя Петра Ивановича Елецкого. Ему вместе с братьями на рубеже веков было пожаловано по-

---

[66] НПК. Т. 1. СПб.: в типографии В. Безобразова и комп., 1859. Ст. 705; *Титов А. А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 16.

[67] *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34–40.

[68] Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 33, 35; НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 141 об., 142. В 1535 г. по нему был сделан вклад в Троице-Сергиев монастырь (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (далее – ВКТСМ) / Подгот. к печати Е. Н. Калитиной, Т. А. Манушина и Т. В. Николаевой. М., 1987. С. 74).

[69] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 63, 131–132, 140, 143, 149 об., 157, 175.

[70] *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных. С. 157.

[71] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 63.

местье в Водской пятине. Впоследствии князь П. И. Елецкий несколько раз упоминался в разрядах, возглавляя новгородские полки[72].

Вероятна связь записи рода князей Засекиных с князем И. И. Сосуном Засекиным. Среди перечисляемых здесь имен фигурируют два князя Иоанна. Сам И. И. Сосун владел поместьем в Деревской пятине, которое позднее перешло в руки его младшего сына Ивана. Несколько раз Иван Сосун упоминался в разрядах, а в 1524–1526 гг. ездил с посольством в Германскую империю[73].

Род Федора Колычева представлял, судя по перечислению имен, членов семьи Ф. С. Ломаки Колычева, воеводы новгородской рати 1520-х – 1530-х гг. Род Михаила Колычева, в свою очередь, соотносится с М. А. Колычевым, также несколько раз фигурирующим в новгородских разрядах начала XVI в. Оба они принадлежали к числу новгородских помещиков рубежа веков с высокими поместными окладами[74].

Кроме того, к этому же времени могли относиться вклады купцов М. Курюкова, И. С. Сыркова, В. Тараканова и подьячего С. Буженинова[75].

Значительная часть представленных имен к моменту проведения писцового описания конца 1530-х – начала 1540-х гг. уже отсутствовала в списках живущих помещиков. К этому моменту поместьями Ф. Сидорова, А. С. Мустофина, Ф. Г. Соловцова, С. Ю. Порховского, Т. Т. Зезевитова, Ф. Ф. Нащокина, К. Б. Кушелева владели уже новые лица[76].

К следующему поколению московских переселенцев относились Иван и Семен Ермолины Трусовы-Воробины, а также Никита и Григорий Собакины Скобельцыны[77].

Очевидно, в случае с Николо-Вяжищским монастырем вклады «москвичей» имели довольно интенсивный характер и затрагивали представителей разных слоев служилых людей.

Синодик Софийского собора в целом подтверждает сделанные наблюдения. Некоторые новгородские помещики, названные в этом источ-

---

[72] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 135 об.; *Бенцианов М. М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 108–109.

[73] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 142 об.; *Бенцианов М. М.* «Княжеский элемент». С. 101.

[74] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 155 об. – 156, 176; *Бенцианов М. М.* Выходцы из родов московского боярства. С. 167–169.

[75] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 130–130 об., 133, 143 об., 153 об. Перечень поминаемых имен в памяти И. С. Сыркова начинался с благоверного великого князя Иоанна (Ивана III или его сына Ивана Молодого).

[76] ПКНЗ. Т. 4. М., 2004. С. 457; Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. Новгород, 1917. С. 19, 35, 69; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 41 об. – 42 об., 144.

[77] НИОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 148 об., 160 об., 165 об.

нике, действовали в первые десятилетия XVI в. Род Товарковых начинался, например, с имени Григорий. Это – Г. Б. Товарков, крупный помещик Водской пятины. В 1514 г. он попал в плен в Оршанской битве и к 1519 г. уже умер в Дорогочине. По родословным данным он был бездетным[78]. Литовским пленником был также отец Матвея Усова Борис Григорьев. В 1525 г. он был еще жив и находился в замке Неменчине[79].

Достаточно ранними могли быть также вклады купцов – И. Сыркова[80], Курюковых[81], В. Тараканова. Московские «сведенцы» из числа купцов очень быстро интегрировались в новгородскую среду, что отразилось, в том числе, в активной роли, которую они играли в храмовом строительстве. Сырковы, Таракановы и Курюковы финансировали строительство нескольких церквей. Федор Дмитриев Сырков в середине XVI в. стал основателем новгородского Сыркова монастыря[82].

Особенностью этого синодика в целом была немногочисленность присутствовавших в нем памятей и слабое представительство в них фамилий, принадлежавших к верхушке новгородской служилой корпорации. Исключением в этом ряду является запись рода князей Тулуповых. Названный в ней князь Василий сопоставляется с помещиком Шелонской пятины князем В. И. Тулуповым. В конце 1530-х гг. его поместьем владели уже сыновья Андрей и Владимир[83].

Сохранившиеся синодики Александро-Свирского монастыря называют большое число имен местных помещиков. Одним из первых вкладчиков нового монастыря стал помещик Андрей Завалишин, в будущем ученик Александра Свирского, в монашестве известный как Адриан Ондрусовский. Эпизод со встречей А. Завалишина был описан в житии Александра Свирского. Позднее он привозил в монастырь хлеб,

---

[78] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 109; *Бенцианов М. М.* Выходцы из родов московского боярства. С. 174.

[79] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 108; *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных. С. 161.

[80] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 108. Как и в синодике Николо-Вяжищского монастыря перечисление имен начинается здесь с великого князя Иоанна. В синодике Троице-Сергиева монастыря «родители Ивана Сыркова» были записаны после Дмитрия Шеина, убитого в Казани в 1506 г. (НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 144 об.).

[81] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 108. В памяти упоминаются имена переселенных в конце XV в. Матвея, Ивана, Семена и Алексея Курюковых.

[82] *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде. С. 34–40; *Петров Д. А.* Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994. С. 64–96; *Новикова О. Л.* Рукописные книги Сыркова монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 156–175.

[83] НС / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 111; НПК. Т. 5. СПб., 1905. Ст. 478.

рожь и ячмень. В житии святого упоминается также помещик Тимофей Апрелев. В синодике были записаны роды детей боярских Тимофея Апрелева (в начале списка родов детей боярских) и Андрея Завалишина «Кондуские волости». В последнем случае, однако, скорее всего речь шла о помещике середины XVI в., носившего то же имя и владевшего землями «в Кондушах»[84].

С именем Андрея Челяднина была связана запись «род боярской Андрея Челядинова», расположенная в перечне аристократических фамилий. После имени самого Андрея в записи упоминалась инокиня Варсонофия. Новгородский наместник, боярин и крупный местный землевладелец А. Ф. Челяднин умер в 1500 г. Его жена Варсонофия со снохой Аграфеной в 1516 г. сделали несколько вкладов в монастыри[85].

Большинство имен в монастырском синодике начинаются с 1530-х гг. Как и в синодике Николо-Вяжищского монастыря, в синодике Александро-Свирского монастыря был представлен род Федора Колычева[86]. Князь Мурза Мышецкий известен как помещик Водской пятины, начиная с конца 1530-х гг.[87] Еще один вкладчик, Ф. Т. Зезевитов, был волостелем на Выгоозере в 1543 г.[88] Сын боярский (sic!) Никита Саларев (из семьи купцов) был землевладельцем Деревской пятины в 1543 г.[89]

В середине XVI в. поместьями в Деревской и Обонежской пятинах владели Хрипун и Занка Вороновы, З. Хрипунов, Ю. Г. Скобельцын, И. А. Судоков, дети К. Козодавлева, Ф. Д. Оклячеев, вероятно, также И. и Н. Белеутовы[90].

Возможно, с семьей князя И. М. Чулка Засекина была связана запись рода князей Ярославских Засекиных. Последнее его упоминание в разрядах относится к 1537 г.[91]

---

[84] РНБ. Погодинское собрание. Ф. 874. Л. 466, 472, 490 об., 495 об.; ОР БАН. № 55. Л. 114, 115; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 77.

[85] ОР БАН. № 55. Л. 108 об.; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 172; Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот к печати Л. В. Черепнин. М., 1956. Ч. 2. С. 65; *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого монастыря. С. 12.

[86] ОР БАН. № 55. Л. 116.

[87] ОР БАН. № 55. Л. 141; РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 356–357 об.

[88] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. 4. № 140–141. С. 103–104.

[89] ОР БАН. № 55. Л. 122; ПКНЗ. Т. 4. М., 2004. С. 465; ПКНЗ. Т. 5. М., 2004. С. 240.

[90] ОР БАН. № 55. Л. 122 об., 128–128 об., 131, 132, 133 об.; ПКНЗ. Т. 5. М., 2004. С. 100, 408; ПКНЗ. Т. 2. СПб., 1999. С. 6, 37, 40, 46; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 253.

[91] ОР БАН. № 55. Л. 108.

К середине XVI в. новгородские религиозные центры прочно вошли в жизнь новгородских помещиков. В синодиках Николо-Вяжищского, Александро-Свирского, Коневского Рождественского и Валаамского монастырей присутствовало значительное количество имен местных детей боярских. Характерным примером является также синодик середины XVI в. Борисоглебской церкви Новгорода, где среди многочисленных родов жителей Новгорода были зафиксированы имена нескольких новгородских помещиков – И. И. Шушерина, П. И. Милюкова, князя Ф. Мышецкого и С. А. Пустошкина (все отчества записаны с «вич»))[92].

Известны были случаи пострижения в монахи новгородских монастырей представителей «высшего» общества Новгорода. Так, в 1552 г. владычный сын боярский В. Б. Осинин, брат софийского боярина И. Ляпуна Осинина, стал монахом Деревяницкого монастыря[93]. В 1572 г. постриг в Михалицком монастыре приняла жена «боярина» В. В. Розладина-Квашнина[94].

Из рядовых детей боярских Федор Семенов Кадыев в середине 1550-х гг. «живет в Николском монастыре на Медветце»[95].

На этом фоне неудивительным выглядит крупный вклад, который передал кафедре святой Софии дворецкий И. М. Валуев. В соответствии с его завещанием сюда передавалось село Покровское в Московском уезде (первый пример такого рода). Кроме поминовения архиепископом, кормы по Ивану и его родителям устанавливались также в Росткином-Ивановском монастыре Новгорода[96].

Параллельно этому процессу шло восприятие новгородскими помещиками культов собственно новгородских святых. Писцовая книга Бежецкой пятины конца 1530-х – начала 1540-х гг. отметила, что во владении помещика Якуша с братьями «стала церковь ново Варламей Чюдотворец Хутынски…»[97]. В этом ряду показательным является также вклад покрова с изображением Арсения Коневского, сделанный детьми боярскими М. К. Бровцыным и Г. Я. Щетининым в 1551 г. Из них М. К. Бровцын известен как помещик Водской пятины[98].

---

[92] *Шляпкин И. А.* Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 8.

[93] ПСРЛ. Т. 30 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965. С. 162.

[94] ПСРЛ. Т. 3. Вып. 2. / Сост.: А. Ф. Бычков. СПб., 1879. С. 115.

[95] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17151. Л. 147–147 об.

[96] *Кистерев С. Н.* Частный случай родового выкупа в середине XVI века // Русский дипломатарий, М.: Археографический центр, 1998. Вып. 3. С. 77–79.

[97] *Мельник А. Г.* Культы русских святых в конце XIV–XVI в.: социальные аспекты и практика почитания: дис. … докт. ист. наук. М., 2022. С. 282.

[98] Историческое изображение о начале Коневской обители. С. 8–9; Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. С. 263.

К середине XVI в. можно, видимо, говорить о завершении процесса усвоения новгородскими детьми боярскими традиций новгородской идентичности, что отразилось, в том числе, в их самоидентификации в официальных документах. В поручных записях 1560-х – начала 1570-х гг., например, Бархат Плещеев обозначал себя как «Новагорода Великого Шелонские пятины», Л. Г. и П. Г. Валуевы как «ноугородцы Деревские пятины», а Непущей Краснослепов как «ноугородец Вотцкие пятины»[99].

Это обстоятельство, безусловно, имело множественные последствия, отражаясь на восприятии «новгородцев» в системе центрального делопроизводства и было одной из причин их обособленности в ряду других служилых корпораций Русского государства.

ИСТОЧНИКИ

Архивные:

Архив СПбИИ РАН, колл. 2, ед. хр. 125.
НИОР РГБ. Ф. 304/III. № 25.
НИОР РГБ. Ф. 722. № 216.
ОР БАН. № 55.
ОР БАН. Тихвинское собрание XVII в. № 3.
ОР РНБ. ОСРК. F. I. 877.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17151.
РГАДА. Ф. 137. № 5.
РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289.
РНБ. Погодинское собрание. Ф. 874.

Опубликованные:

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1.

Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. / Подгот. публ. И. Ю. Анкудинов. М., 2013.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4 / Сост. А. В. Антонов. М., 2008.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1 / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1952.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998.

[99] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 49, 66.

Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2 / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М., 1956.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7 / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 1997.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. к печати Е. Н. Калитиной, Т. А. Манушина и Т. В. Николаевой. М., 1987.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846.

Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1788.

Житие Варлаама Хутынского в двух списках. СПб., 1881.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 1. СПб.: в типографии В. Безобразова и комп., 1859.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 2. СПб.: в типографии В. Безобразова и комп., 1862.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 3. СПб.: в типографии В. Безобразова и комп., 1868.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 4. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1886.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 5. СПб.: Сенатская типография, 1905.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. Т. 6. СПб.: Сенатская типография, 1910.

Новгородские синодики XIV–XVII веков / Подг. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2017.

Новонайденная жалованная грамота Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю / Подгот. текста и предисл. С. М. Каштанова, Е. Е. Матвеевой // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 419–443.

Олонецкие губернские ведомости. Часть неофициальная. 1853. № 10. С. 58–59.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М., 2002.

Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. Новгород. 1917.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1–5 / Сост. К. В. Баранов. М., 1999–2004.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись / Подгот. текста С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина, предисловие Б. М. Клосс. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западнорусские летописи / Изд. С. Л. Пташицкий, А. А. Шахматов. М., 2008.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 2. Новгородские летописи / Сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1879.

Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись) / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1965.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В.И. Буганова. М., 1966.

Родословная книга князей и дворян российских и выехавших… Ч. 2. М., 1787.

Сборник русского исторического общества. Т. 35 / Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1882.

«Синодик в неделю православия» Софийского собора Великого Новгорода / Подгот. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2018.

Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI–XIX века / Подг. текстов и исслед. Н. В. Башнина. М.; СПб., 2012.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Казаков А. А. Чернец Немчинова монастыря Захар и новгородский архиепископ Геннадий: К истории одного конфликта // NOVOGARDIA. № 4. 2019. С. 172–181. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.007. (Дата доступа 03.11.2025).

Казаков А. А., Несин М. А. Новгородский помянник начала XVI в. // NOVOGARDIA. 2019. № 4. С. 369–392. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.017. (Дата доступа 03.11.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 3–37.

Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 8–79.

Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 149–196.

Баранов К. В. Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 4. С. 10–12.

Бенцианов М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 88–112.

Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019.

Бенцианов М. М. Выходцы из родов московского боярства на новгородских поместьях в конце XV – середине XVI века // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 162–201.

Бенцианов М. М. Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы / Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 8. Минск, 2015. С. 133–146.

Бенцианов М. М., Лобин А. Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2013. Вып. 2. С. 155–179.

Варенцов В. А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34–40.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Гейман В. Несколько новых данных, касающихся истории «задворных людей» // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 39–48.

Дмитриева Р. Н. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 277–278.

Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 1981. Т. 87. С. 219–286.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Историческое изображение о начале Коневской обители. СПб., 1822.

Казаков А. А. Чернец Немчинова монастыря Захар и новгородский архиепископ Геннадий: К истории одного конфликта // NOVOGARDIA. № 4. 2019. С. 172–181. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.007 (Дата доступа 03.11.2025).

Казаков А. А., Несин М. А. Новгородский помянник начала XVI в. // NOVOGARDIA. 2019. № 4. С. 369–392. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.017 (Дата доступа 03.11.2025).

Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007.

Кистерев С. Н. Частный случай родового выкупа в середине XVI века // Русский дипломатарий, М., 1998. Вып. 3. С. 71–79.

Линд Дж., Охотина Н. А. Роспись главам синодика Валаамского монастыря XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 32–36.

Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.

Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911.

Макарий (Миролюбов), Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1–2. М., 1860.

Макарий (Миролюбов). Обозрение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. Отд. 3. М., 1861. С. 1–40.

Маштафаров А. В. Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в. // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 11–25.

Мельник А. Г. Культы русских святых в конце XIV–XVI в.: социальные аспекты и практика почитания: дис. … докт. ист. наук. М., 2022.

Новикова О. Л. Рукописные книги Сыркова монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 156–175.

Петров Д. А. Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994. С. 64–96.

Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 1 // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 181–240.

Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 2 // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 153–220.

Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981.

Рыков Ю. Д. Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII в. с позднейшими дополнениями // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 60–122.

Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906.

Фролов А. А. Конфискация вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54–62.

Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 1–9.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

REFERENCES

Antonov A. V. Poruchny`e zapisi 1527–1571 godov // Russkij diplomatarij. Moscow, 2004. Vyp. 10. S. 8–79 (in Russian).

Antonov A. V. Vkladchiki Uspenskogo Goriczkogo monasty`rya XV–XVI vekov // Russkij diplomatarij. Moscow, 2003. Vyp. 9. S. 3–37 (in Russian).

Antonov A. V., Krom M. M. Spiski russkikh plennykh v Litve pervoj poloviny` XVI veka // Arkhiv russkoj istorii. Moscow, 2002. Vyp. 7. S. 149–196 (in Russian).

Baranov K. V. Novgorodskaya «obodnaya» gramota 1511/12 goda // Russkij diplomatarij. Moscow, 1999. Vyp. 4. S. 10–12 (in Russian).

Bencianov M. M. «Knyaz`ya, boyare i deti boyarskie». Sistema sluzhebnykh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. Moscow, 2019 (in Russian).

Bencianov M. M. «Knyazheskij e`lement» v novgorodskoj pomestnoj korporacii na rubezhe XV–XVI vv. // Novgorodskij istoricheskij sbornik. Velikij Novgorod, 2015. Vyp. 15 (25). S. 88–112 (in Russian).

Bencianov M. M. Novgorodskie boyare – novgorodskie deti boyarskie. K voprosu o preemstvennosti // Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy` / Studia Historica Europae Orientalis. Vyp. 8. Minsk, 2015. S. 133–146 (in Russian).

Bencianov M. M. Vykhodtsy iz rodov moskovskogo boyarstva na novgorodskikh pomest`yakh v konce XV – seredine XVI veka // Novgorodskij istoricheskij sbornik. Velikij Novgorod, 2016. Vyp. 16 (26). S. 162–201 (in Russian).

Bencianov M. M., Lobin A. N. K voprosu o strukture russkoj armii v bitve pri Orshe // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. St Petersburg, 2013. Vyp. 2. S. 155–179 (in Russian).

Dmitrieva R. N. Zhitie Zosimy` i Savvatiya Solovetskikh v redakcii Spiridona-Savvy` // Knizhnye centry Drevnej Rusi. XI–XVI vv.: Raznye aspekty issledovaniya. St Petersburg, 1991. S. 277–278 (in Russian).

Frolov A. A. Konfiskaciya votchin novgorodskogo vladyki i monastyrej v poslednej chetverti XV veka // Drevnyaya Rus`. Voprosy medievistiki. 2004. № 4 (18). S. 54–62 (in Russian).

Gejman V. Neskol`ko novykh dannykh, kasayuschikhsya istorii «zadvornykh lyudej» // Sbornik statej po russkoj istorii, posvyashhennykh S. F. Platonovu. Petrograd, 1922. S. 39–48 (in Russian).

Istoricheskoe izobrazhenie o nachale Konevskoj obiteli. St Petersburg, 1822 (in Russian).

Khoroshev A. S. Cerkov` v social`no-politicheskoj sisteme Novgorodskoj feodal`noj respubliki. Moscow, 1980 (in Russian).

Kirillin V. M. Skazanie o Tikhvinskoj ikone Bogomateri «Odigitriya». Moscow, 2007 (in Russian).

Kisterev S. N. Chastnyj sluchaj rodovogo vykupa v seredine XVI veka // Russkij diplomatarij, Moscow, 1998. Vyp. 3. S. 71–79 (in Russian).

Likhachev N. P. Sbornik aktov, sobrannykh v arkhivakh i bibliotekakh. St Petersburg, 1895 (in Russian).

Lind Dzh., Okhotina N. A. Rospis` glavam sinodika Valaamskogo monastyrya XVI v. // Istoricheskaya genealogiya. Ekaterinburg, Parizh, 1993. Vyp. 2. S. 32–36 (in Russian).

Majkov V. V. Kniga pistsovaya po Novgorodu Velikomu koncza XVI veka. St Petersburg, 1911 (in Russian).

Makarij (Mirolyubov). Arkheologicheskoe opisanie cerkovnykh drevnostej v Novgorode i ego okrestnostyakh. Pt. 1–2. Moscow, 1860 (in Russian).

Makarij (Mirolyubov). Obozrenie drevnikh rukopisej i knig cerkovnykh v Novgorode i ego okrestnostyakh // Chteniya v obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. Pt. 2. Dept. 3. Moscow, 1861. S. 1–40 (in Russian).

Mashtafarov A. V. Sinodik Konevskogo Bogorodiczkogo Rozhdestvenskogo monastyrya XVI v. // Vestnik cerkovnoj istorii. 2009. № 1/2 (13/14). S. 11–25 (in Russian).

*Mel`nik A. G.* Kul`ty russkikh svyatykh v konce XIV–XVI v.: social`nye aspekty i praktika pochitaniya: dis. … dokt. ist. nauk. Moscow, 2022 (in Russian).

Novikova O. L. Rukopisnye knigi Syrkova monastyrya // Opyty po istochnikovedeniyu. Drevnerusskaya knizhnost`: Arkheografiya, paleografiya, kodikologiya. St Petersburg, 1999. S. 156–175 (in Russian).

Pechnikov M. V. Ivan III i novgorodskij rozysk 1487–1490 gg. Pt. 2 // Srednevekovaya Rus`. Moscow, 2020. Vyp. 14. S. 153–220 (in Russian).

Pechnikov M. V. Ivan III i novgorodskij rozysk 1487–1490 gg. Pt. 1 // Srednevekovaya Rus`. Moscow, 2018. Vyp. 13. S. 181–240 (in Russian).

Petrov D. A. Stroitel`stvo Syrkovykh // Zakazchik v istorii russkoj arkhitektury. Moscow, 1994. S. 64–96 (in Russian).

Rozov N. N. Kniga v Rossii v XV veke. Leningrad, 1981 (in Russian).

Rykov Yu. D. Maloizvestnyj spisok sinodika novgorodskogo Nikolo-Vyazhishhskogo monastyrya koncza XVII v. s pozdnejshimi dopolneniyami // Novgorodskij istoricheskij sbornik. Velikij Novgorod, 2019. Vyp. 18 (28). S. 60–122 (in Russian).

Shlyapkin I. A. Sinodik 1552–1560 gg. Novgorodskoj Borisoglebskoj cerkvi // Sbornik novgorodskogo obshhestva lyubitelej drevnosti. Novgorod, 1911. Vyp. 5. S. 1–9 (in Russian).

Titov A. A. Vkladnye i zapisnye knigi Iosifova Volokolamskogo monastyrya XVI v. i uprazdnennye monastyri i pustyni v Yaroslavskoj eparkhii. Moscow, 1906 (in Russian).

Varenczov V. A. Moskovskie gosti v Novgorode // Voprosy istorii. 1982. № 8. S. 34–40 (in Russian).

Veselovskij S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel`cev. Moscow, 1969 (in Russian).

Veselovskij S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny. Moscow, 1963 (in Russian).

Yanin V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. Moscow, 2008 (in Russian).

Zimin A. A. D`yacheskij apparat v Rossii vtoroj poloviny XV – pervoj treti XVI v. // Istoricheskie zapiski. 1981. T. 87. S. 219–286 (in Russian).

Zimin A. A. Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v. Moscow, 1988 (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

АНВМ – Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в.

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею

НС – Новгородские синодики XIV–XVII веков

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел